

Александр Кондратьев

БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

18+

Александр Кондратьев

Белый человек

«Комикс Паблишер»

2017

Кондратьев А.

Белый человек / А. Кондратьев — «Комикс Паблишер», 2017

ISBN 978-5-9500642-4-1

В городе появляется новое лицо: загадочный белый человек. Пейл Арсин – альбинос. Люди относятся к нему настороженно. Его появление совпадает с убийством девочки. В Приюте уже много лет не происходило ничего подобного, и Пейлу нужно убедить целый город, что цвет волос и кожи не делает человека преступником. Роман «Белый человек» – история о толерантности, отношении к меньшинствам и социальной справедливости. Категорически не рекомендуется впечатлительным читателям и любителям счастливых финалов.

ISBN 978-5-9500642-4-1

© Кондратьев А., 2017

© Комикс Паблишер, 2017

Содержание

I. Улыбка	6
II. Small talk	12
III. Компания	18
IV. Прикосновение	24
V. Приветствие	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Кондратьев

Белый человек

© Александр Кондратьев, 2017

© Комикс Пабlishер, 2017

* * *

I. Улыбка

Эта история начинается с улыбки. Это не одна из тех дежурных улыбок, которыми мимоходом обмениваются знакомые; и не одна из тех, что можно увидеть на лице матери, когда она следит, как ее ребенок играет в песочнице; и не одна из тех, что нарисована на лице клоуна поверх щетины. Улыбка, о которой идет речь, похожа на оружие. Улыбка и есть оружие: бывают улыбки острые, как стальные наконечники; бывают настойчивые, как дуло пистолета; третьи – ядовитые, как отравы для крыс. Улыбку, с которой все началось, легко представить, если закрыть глаза и подумать вот о чем: широкая, просторная кухня в старом доме, обои пожелтели и протерлись в том месте, где стоял стол или другая мебель; лампа в пыльной люстре раскрашивает кухню в грязный желтый цвет, будто кто-то пролил на все масляную краску и широкой кистью придавал объектам грубые очертания; на маленьком столе, покрытом скатертью с крупными – с голову ребенка – выцветшими вишнями, стоит корзина с заветренными фруктами; от скатерти пахнет грязной тряпкой; под ножкой стола – сложенная несколько раз бумага, чтоб не качался; а за столом, на деревянном стуле со спинкой в три перекладины – враг, самое ненавистное существо, которому желаешь смерти; он (она?) тянется к вазе с фруктами, за кислым зеленым яблоком; враг смотрит с озорным блеском в глазах и хрустит яблочком; кто он, кого ты так ненавидишь? твой лучший друг? отец? дядя? кто-то, с кем ты делишь постель? Кого ты представил, когда прочитал про врага? Кого бы ты убил, если бы не боялся наказания? Неважно, забудь, важно другое – твоя улыбка, которая медленно, как восходящее солнце, зажигается на лице: ты знаешь, что все фрукты пропитаны смертельным ядом. Еще немного, и яд подействует. Глаза врага округлятся, щеки мертвенно побледнеют, на смену бледности придет синева; враг начнет хлопать ртом, хвататься за горло. Может быть, его стошнит. Он упадет, повалив стол, стул и будет корчиться на земле. А что сделаешь ты? Выскажешь ему все, что думаешь о нем, чтобы, умирая, он знал, кто и почему так поступил с ним? Или ударишь его? Может быть, приспустишь штаны и помочишься на него? На самом деле, это тоже не имеет никакого значения. Важно лишь то, как ты это сделаешь – ты сделаешь это с улыбкой.

* * *

Когда Данила рассказал старосте Григорию, что нашел его дочь мертвой на берегу реки, староста не смог сдержать улыбку. Это была гадкая, ядовитая улыбка. Григорий поймал себя на мысли: жаль, он не сделал этого своими руками. Его дочь была настоящим стихийным бедствием. Если где-то там, на небесах, сидит бог и ему есть дело до человеческих прегрешений, он сполна наказал Григория, одарив его Лилией. Мало того, что она трахалась с кем попало и позорила его перед всем Приютом, так она еще несколько раз едва не сделала его дедушкой. Благо, у медсестры Снежаны хватило сноровки, чтобы предотвратить нежелательные последствия Лилииной беспечности. Но вот как оно вышло – кто-то нашел способ получше.

Григорий дернул губами, пытаясь скрыть от Данилы улыбку. Непонятно, удалось или нет. И тут вдруг накатила тоска. Перед глазами понеслось хорошее: как Лилька лежала в его руках маленьким пищащим комком, как в первый раз встала на ножки и сразу же повалилась на спинку, как перепугалась в грозу и пришла в их с Настей постель. В глазах зацепало: больше нет дочери, какой-то изверг изуродовал ее и убил. Григорий подумал о страхе, который накатил на Лильку перед смертью: ужасное понимание, что этот отвратительный эпизод, наполненный страхом и болью, – последний для тебя, вот так все кончится и ничего больше не будет.

Григорий шмыгнул носом, сморгнул. Он услышал свой голос издалека, будто тот летел с улицы или из погребка.

– Уверен, что она?

Данила нервно мял шапку в руках и отводил взгляд. Одним сапогом он наступил на другую и стоял в неловкой позе – будто приспичило по малой нужде.

– Волосы рыжие, пятно на лбу. Как тут спутаешь, – промямлил он.

Григорий схватился за волосы. Злой радости как не бывало – откуда она только взялась. Лилька! Его Лильки больше нет!

Григорий издал звук, какой издала бы собака, если бы ее прижгли раскаленным железом. Тонкий пронзительный визг – не ждешь такого от человека его комплекции. Данила вздрогнул и, перепуганный, отшатнулся. Рыбак выглядел так, будто вот-вот зайцем ускачет прочь.

Наверху затопали. По лестнице, тяжело дыша, грузно скатилась Анастасия, жена старосты. Она не успела переодеться со сна, и ее массивные бледные ляжки с голубыми росчерками вен неприлично торчали из-под мятой ночной рубашки. Это притянуло взгляд Данилы.

Увидев ссутулившегося рыбака, шапку в его длинных пальцах с грязью под ногтями, заметив влажные полосы, тянущиеся от морщинистых уголков по вздувшимся мужниным желвакам, Анастасия, казалось, миг все поняла.

– Лилия! – взвизгнула она. – Это Лилька! Это она, да?! Что с ней?!

– Иди отсюда! – рявкнул Григорий. – Поднимайся наверх. Нечего тебе тут делать. Нечего тут голосить!

Конечно же, это не помогло. Анастасия бросилась к Даниле и вцепилась в фалды его пиджака. Ткань затрещала.

– Даня, миленький! Что случилось?! Что с Лилькой? Умоляю, миленький, скажи! Пожалуйста, прошу тебя! Что с моей девочкой? С ней все хорошо? Что случилось?

Данила трясся в мощных руках женщины и вопросительно глядел на ее мужа.

– Жена, успокойся! Отойди, я тебе говорю! – и когда та не послушалась, Григорий с силой рванул ее на себя. Женщина не удержалась и свалилась на пол. Рубашка задралась, раскрывая подробности, в которые Данила тотчас вцепился взглядом.

Староста брезгливо посмотрел на жену, поморщился, перевел взгляд на рыбака и тут же устался в пол.

Некрасивую сцену прервал звонкий голос. Перегнувшись через перила второго этажа, на взрослых сверху вниз смотрел Антон, младший брат Лилии. Крики взрослых разбудили его, и он прибежал из своей комнаты в одних трусах. Он дрожал и переступал с ноги на ногу.

– Что такое?

– Иди к себе! – приказал Григорий то ли жене, то ли сыну.

Послушалась жена: она неловко встала, продемонстрировав Даниле необъятные ягодицы, и, тяжело ступая, поднялась по лестнице. Анастасия, не заметив сына, ушла в спальню, и Антон бросился за ней: «Мама! Мама!»

– Подожди минутку, я плащ надену, – сказал Григорий.

Данила хмурился, глядя, как староста сражается с рукавами и никак не может попасть. Наконец он кое-как справился и решительно зашагал к двери. Только про обувь забыл, но Данила не стал с ним спорить.

– Пошли, – рявкнул староста, открывая скрипучую дверь.

– Куда?

– Навестить кое-кого.

– Кого? – зачем-то спросил Данила, хотя знал ответ.

Староста улыбнулся, ведь улыбка – это оружие. А оружие ему было необходимо – для той цели, с которой он выходил из дома.

– Пейла. Гребаного Пейла Арсина.

* * *

Когда вышли за ворота, Григорий сказал Даниле:

– Иди за доктором, а потом вместе с ним возвращайся на реку. Ждите меня там.

Данила не стал спорить: ему было неловко и совсем не хотелось никуда идти вместе со старостой. Особенно к Пейлу. Когда он понял, что видит перед собой мертвое тело, он в первую очередь подумал о Пейле. Да и не на кого больше думать. Только идти к нему сейчас нет никакого смысла – если это сделал он, то вряд ли он сидит дома и кипятит чайник в ожидании гостей. Только вслух это Данила говорить не стал: хотел как можно скорее избавиться от общества старосты. Пусть ненадолго, пусть в компании его мертвой дочери. Даже мертвая она оставалась той еще красоткой!

Данила кивнул и быстро зашагал прочь в направлении дома доктора. Григорий поспешил дальше. Он не помнил, когда ему приходилось так торопливо передвигаться. Годы и лишний вес скоро заявили о себе. Дыхание сбилось, во рту возник кислый металлический вкус, и староста остановился, уперев руки в полные бедра, уставившись в землю и пытаясь перевести дыхание.

То и дело подступали то дурацкий смех, то гадкие слезы. Сердце мерзко ворочалось в груди, как противный жирный червяк. Всего за несколько секунд жизнь старосты, прежде такая скучная и спокойная, превратилась в кошмар.

Григорий заставил себя двинуться дальше. Мимо медленно ползли одноэтажные домики. Стояла несусветная рань, но кто-то уже проснулся. Несколько человек встревоженно подошли к заборам, чтобы поглядеть, как их староста ни свет ни заря катится по какому-то одному ему ведомому делу. Ни для кого это не предвещало ничего хорошего.

Руслан, городской, стоял на заднем дворе и натужно пытался отлить, когда Григорий обрушился на его входную дверь с кулаками. Григорий со смешанными чувствами спрятал свой старый, сморщенный прибор: с одной стороны, жаль было бросать, когда предпринято столько попыток, с другой – с облегчением, что это наконец закончилось. Старость не радость!

– Иду, иду! Кого там черт принес? – проорал он, заправляя рубашку в штаны.

При ходьбе его суставы шелкали, но он обогнул дом с удивительной прытью – любопытство прибавляло скорости. Он не смог сдержать удивления – на пороге стоял староста в плаще, халате и босиком. Морщинистый рот сжался в беззубую О:

– Гриш, ты чего это? – прошамкал городской.

– Где ты там шляешься, твою мать? Ты там срал, что ли? – выплюнул Григорий. – Доставай свой гребанный пистолет и иди за мной!

– Зачем тебе пистолет? Ты с ума сошел?

– Принеси мне пистолет, твою мать, или я найду его сам и засуну тебе в задницу!

– Надо было раньше моей задницей интересоваться, пока у меня геморрой не вывалился. А теперь я тебе только спасибо скажу.

– Ну ты и шутник, твою мать! – взревел староста. – А мне не до шуток! Гребанный Пейл Арсин убил мою дочь.

Соседи, высыпавшие на крик, замерли, будто их облили холодной водой. Руслан принялся яростно тереть нос – с ним это всегда случалось, когда он нервничал.

– Постой, Гриш! – сказал Руслан. – Не кипятись. Расскажи как следует. С чего ты взял?

Григорий выглядел так, будто сейчас расплачется. Полные губы дрожат, щеки красные, глаза на мокром месте. Но он собрался и тихо сказал:

– Пистолет. Возьми пистолет, и мы нагрянем к этому грязному ублюдку и заставим его ответить за все.

Руслан не стал долго думать. Он пожал плечами, как мог быстро прошел мимо старосты и скрылся в доме. Через минуту он вышел с пистолетом. Оружие в его худых жилистых руках выглядело внушительно: черный кусок металла с массивной деревянной рукояткой.

Когда-то Руслан был первым стрелком в городе. Поскольку пистолет был только у него, он им и остался. И еще Руслан любил быть в центре внимания. В самой гуще событий. На первых ролях. А с этим в Приюте в последнее время было негусто.

– Пошли, в конце концов, он мне никогда не нравился, – сказал он, демонстративно взводя курок.

* * *

У дома Пейла Арсина собралась большая толпа. Весть о том, что староста и городской идут убивать Беляка, разлетелась по Приюту мгновенно. Все проснулись, дети обежали соседей, все заторопилось и пришли к дому одновременно с Григорием и Русланом. Не сговариваясь, все вели себя тихо: возбуждение и недоброе, злорадное ожидание разливалось в воздухе, но никто не кричал и не смеялся. Люди ждали, что случится дальше. Солнце уже показало свой красный бок и, казалось, залило округу кровью. Что произошло, толком никто не знал, но в головах бродили разные мысли, одна чуднее другой.

Среди собравшихся не было человека, чье сердце билось бы тревожнее, чем сердце Веры. Пейл занимал все ее мысли, и когда соседский мальчик Димка постучал им в окно, она лежала без сна. Она подошла к окну и увидела людей, которые идут мимо. Она ни на секунду не сомневалась, что они идут за Пейлом. Пейла не любили, и то, что происходило сейчас, рано или поздно должно было случиться.

Она разбудила мать. Женщины накинули платки на плечи и вышли во двор. Вера спросила только одно: «Пейл?», и проходящий мимо мужчина молча кивнул ей. Вера вздрогнула, будто ее ударили, и внизу живота похолодело – там рождалось ужасное чувство неотвратимости.

Люди окружили дом Арсина. Староста Григорий и городской Руслан переглянулись. Сухопарый старик-городской пошел к двери, подняв руки вверх. В правой руке лежал большой черный пистолет – кисть, которой Приют собирался вымарать Пейла из своей истории.

– Пейл Арсин! – крикнул Руслан – будто старый ворон каркнул. – Пейл! Ты там?

Городской обернулся, поглядел поверх голов людей, пожал плечами и поднялся на крыльцо. Он громко постучал рукояткой пистолета по двери. Ответа не было.

– Пейл! – городской постучал еще.

Руслан замахнулся, чтобы ударить еще раз, но тут дверь раскрылась – бесшумно, без скрипа. Пейл построил этот дом недавно, и тот не успел обветшать.

Оказавшись лицом к лицу с Пейлом, Руслан растерялся и сделал несколько шагов назад. Пейл вышел из дома, прикрываясь рукой от солнца, бывшего в глаза.

Когда он появился перед людьми: высокий, статный, удивительно-бледный, будто сияющий на солнце, – по толпе пронесся вздох. Всякое было намешано в этом вздохе: удивление, любопытство, страх, но больше – восхищение. В это раннее утро в первых ярких солнечных лучах чужестранец Пейл Арсин напоминал скорее ангела, спустившегося с небес, чем человека, только что совершившего мерзкое злодеяние. Из одежды на Пейле были только шорты по колено, в которых он, по-видимому, спал, потому что никто никогда не видел, чтобы он ходил в шортах.

Пейл протер глаза, убрал от глаз руку и, шурясь, улыбнулся. На щеках появились ямочки. Это была смущенная, но добрая улыбка человека, который ждет объяснений.

– Что это вы все собрались? – сказал он. – У меня что, День рождения?

Увидев Пейла, Григорий растерял решительность. Люди обернулись к нему. Нужно было что-то сказать, а он стоял и подбирал слова.

Пейл заметил, на кого все смотрят, и развел руки в стороны: вот он я, говорите, раз пришли.

– Пейл, – решился староста. – Пейл Арсин... – и замолчал.

– Григорий! – сказал Пейл, все еще улыбаясь. – Чем обязан?

– Пейл, где ты был сегодня ночью? – прокаркал Руслан, перехватив инициативу.

Улыбка Пейла увяла до полуулыбки, выражающей неприятную догадку.

– Здесь. Где же мне еще быть? По ночам я привык спать, – усмехнулся Пейл. Он взъерошил свои белые волосы, и солнце посеребрило их.

– Этой ночью была убита дочь старосты, – прокрипел Руслан.

– Лилия? – медленно проговорил Пейл.

– Не смей даже произносить ее имя! Ты... – задохнулся староста.

Пейл улыбнулся, пряча разочарование в опущенных уголках губ.

– И вы пришли ко мне. Потому что я белый. Потому что я не такой, как все.

Староста всхлипнул, вдруг резко дернулся и выхватил пистолет из рук Руслана, но не удержал, и тяжелая железка с глухим стуком упала в траву. Вера вскрикнула.

Григорий закопался в траве, пытаясь нащупать пистолет.

– Гриш, ты чего? – Руслан участливо потрогал его за плечо. – Не кипятись.

– Отвали, – взревел староста, резко выпрямился, оттолкнул городского и наставил пистолет на Пейла.

– Гриш, нельзя же так, без суда, без следствия... – забормотал Руслан.

– Я знаю, это он, – прорычал Григорий; его рука тряслась, и пистолет ходил в ней ходуном. – Я знаю, что это ты, сукин сын!

Пейл поднял руки. Он перестал улыбаться. Он нахмурил брови и смотрел на старосту, как смотрят на бешеную собаку.

– Это ты! Ты! Это ведь ты! – вопил староста, по щекам текли слезы.

Пейл невесело улыбнулся и покачал головой.

Староста нажал на курок.

Осечка.

На Приют свалилась чудовищная тишина. Наверное, выстрел не произвел бы тот эффект, какой произвела осечка. Все оценили намерение.

Староста разразился отборной бранью. Он снова и снова нажимал на курок, но пистолет давал осечку – пришел в негодность от долгих лет бездействия?

– Осел, – бросил Григорий городовому, – ты случайно не забыл его заря...

Произошло неожиданное: пистолет взорвался в руках старосты. Рука и зажатый в ней некогда смертоносный кусок железа с громким хлопком исчезли в яркой вспышке – будто родилось и умерло маленькое солнце. Черно-красными кометами полетели в стороны куски железа и обугленная плоть. Люди отпрянули, и никто не пострадал. Староста закричал от боли и, баюкая изувеченную беспалую кисть, упал на колени. Руслан склонился над ним:

– Доктора, вашу мать! Где этот гребаный Анатолий, когда он так нужен?

– Что здесь творится? – за спиной Пейла возник высокий женский силуэт. Внимание напуганной толпы переключилось на новое лицо.

Пейл встретился взглядом с Верой и смущенно улыбнулся.

Сердце Веры, до этого скакавшее сумасшедшим галопом, споткнулось и разбилось вдребезги.

* * *

Снежана, помощница доктора Анатоля, выпорхнула из-за спины Пейла. На ней был только легкий халатик, едва прикрывающий ее длинные ноги. Все мужчины впились в нее взглядами, а на лицах их жен дружно образовалась гримаса возмущенного осуждения. Только Вера повернулась к собранию спиной и побрела прочь. Ее мать сделала шаг вслед за дочерью, но осталась, решила досмотреть представление до конца.

Снежана деловито растолкала собравшихся, настойчивым жестом отстранила Руслана и склонилась над пострадавшим. Григорий уже перестал материться и только бессмысленно вращал глазами и стонал. Снежана ловким движением оторвала полоску ткани от края халата.

– Снежана, ты чего это?.. – прошипел Руслан, но та только резко отмахнулась от старика.

– Пусть кто-нибудь подвезет телегу. Ну, кому не жалко? – сказала она властным голосом. Кто-то из мужиков откликнулся.

– Вот, давай, тащи ее сюда, – сказал Руслан. – Все остальные – расходимся, нечего больше здесь смотреть! Давайте, идите! – замахал он руками на толпу.

– А мне можно идти? – спросил Пейл насмешливо.

– Я с тобой еще не закончил, – прошипел Руслан. – Ты пойдешь со мной на допрос.

– Ну можно мне хотя бы одеться? – спросил Пейл, вызывая улыбку.

– Стой! Кому говорят! – но Пейл уже скрылся в доме. – Вот черт!

Через некоторое время Пейл появился в привычной одежде – широких белых штанах и белой рубашке. Он подошел к Снежане, хлопочущей над покалеченным старостой. Снежана держала Григория за руку и успокаивала, как ребенка. Тут как раз добрый человек подогнал свою телегу. Конь беспокоился, фырчал, топал и водил глазом.

– Дай помогу, – сказал Пейл Руслану, который помогал старосте встать на ноги.

Тот чертыхнулся, но мешать не стал. Григорий пронзительно посмотрел на Пейла, но потом боль взяла свое и глаза старика опустели. Старосту уложили в телегу, Пейл, Руслан и Снежана уселись рядом с раненым. Мужик щелкнул кнутом, поехали к доктору.

Люди начали нехотя разбредаться: кто по домам, кто по своим делам. Но разговоров хватит теперь на несколько недель. Давно в Приюте не происходило такого. Если когда-нибудь вообще происходило. Дочку старосты никто не любил, потому что многие семьи пострадали от нее. От Пейла всем была только польза, но его все равно не любили. Спроси у кого-нибудь почему – замялся бы, отвел глаза и пробормотал: «Ну, он просто... ну он какой-то... Улыбка у него недобрая. Не доверяю я ему».

II. Small talk

Когда остаешься наедине с другими людьми и не имеешь возможности уйти – чаще всего, потому что вы вместе чего-то или кого-то ждете – испытываешь чувство неловкости, и чем дальше, тем хуже. Надо о чем-то заговорить, потому что тишина становится нестерпимой, но говорить не хочется, потому что боишься сморозить глупость. И, раздираемый противоречиями, необходимостью и желанием, кто-то (потому что мучаются оба) наконец произносит: «Ну и погода сегодня!» или «Ну сколько можно ждать? Это же ужас!» – или просто компромиссно (читай: трусливо) вздыхает и косится на другого, но это ни к чему не приводит и только оттягивает тот момент, когда нужно будет заговорить. Банальность произнесена, и второй участник получает превосходство: мяч на его стороне, его ход, карты у него в руках – выбирай любую метафору, которая тебе нравится, – но, сконфуженный, тот произносит нечто односложное; диалог не получился и все возвращается к тому, с чего началось. Из этого можно сделать простой вывод: общество, необходимость общения, язык – навязанная, противоестественная, чуждая человеку вещь, если каждый раз приходится преодолевать себя. Люди – хищники, и хищники всеядные. Это значит, что тот, другой, – это жертва. И эта неловкость перед ничего не значащей беседой – чувство вины, потому что общение с жертвой делает несостоявшееся убийство слишком личным.

* * *

Доктор Анатолий уже осмотрел тело и теперь сидел в своем инвалидном кресле на берегу реки и ждал, когда придет староста. Увечье не помешало доктору вынести вердикт. Большую часть жизни он прожил калекой и привык обходиться тем, что осталось – и очень ловко. Конечно, если бы не помощь Снежаны, дела делались бы медленнее, но делались бы все равно – доктор был не из тех, кто пасует перед трудностями. Но то, что он увидел на берегу реки, куда Данила привез его, в каком-то смысле его разочаровало. Он ожидал, что столкнется с чем-то застораживающе ужасным: рваные раны, причудливые порезы, оторванные конечности, но все, что он увидел – тело мертвой девушки. Красивой мертвой девушки, надо признать. Девушку задушили, на что указывали характерные отметины на шее. В удивительные волосы цвета красного золота набился речной песок, рядом с затылком на песке было несколько неглубоких вмятин – девушка пыталась сопротивляться и билась головой о землю. На ней не было одежды. Одежда лежала недалеко: небрежно сброшенная, но не порванная. Девушка разделась сама, потом у нее был секс с убийцей, и в процессе он ее удушил.

Лилия в Приюте играла роль местного суккуба. Красивая и доступная – о ней мечтали все. И все, кто проявлял должное рвение и настойчивость, получали свое. Женщины ее терпеть не могли, но это только разжигало ее затянувшийся подростковый бунт, а мужчины – преследовали, как кобели, учуявшие текущую сучку. Интересно, кому она так вскружила голову, что он не смог ее больше ни с кем делить? Данила сказал Анатолию, что староста пошел разбираться к Пейлу. Доктор отмахнулся от этой мысли: Пейл, конечно, человек странный, но вокруг него – такие женщины, в сравнении с которыми бедная маленькая шлюшка выглядит очень бледно. «Бледно, ха!» – порадовался доктор случайному каламбуру.

Лилия несколько раз снилась Анатолию, но мечты так и остались мечтами – она даже не посмотрела бы на него, пятидесятилетнего калеку. Дело не в возрасте – из-за своего изъяна ему просто нечего было ей предложить.

Время шло, а староста и городской все не появлялись. Анатолий и Данила ждали-ждали, но никто не приходил. Обоим было неловко. Данила все время пялился на тело девушки – там,

конечно, было на что посмотреть. Сначала Анатолий думал, что рыбак бравирует своим цинизмом, но скоро разглядел в лице Даниила нечто вроде сожаления. Видимо, Лилия не обошла вниманием и этого беднягу.

Значит, Пейл Арсин... Доктор откинулся в кресле и потянулся. Пейла линчуют, потому что он лучше всех нас. Он умнее, выше, сильнее, нравится женщинам – это уже слишком большой список для того, чтобы терпеть его дальше. А ведь убить Лилию мог кто угодно. Взять хотя бы ее пронырливого братца или этого дурака Данилу. Или этого бесноватого с собаками. Анатолий подумал о будущем Арсина и невольно порадовался: куда бы ни вывернула эта история, он останется вне подозрений, потому что не способен на сексуальное насилие.

Анатолий и Данила молчали уже довольно долго. Первым не выдержал Данила – оно и понятно, в таких играх всегда проигрывает тот, кто глупее.

– Я знал, что сегодня случится что-то плохое, – сказал рыбак.

Анатолий промолчал.

– У меня было предчувствие, – выждав, продолжил Данила.

Анатолий вопросительно промычал. Получилось «Мэ?» – как у коровы.

– У меня бывают предчувствия. Я встаю с утра и точно знаю, какой будет день.

– Это полезно, – сказал Анатолий.

– Все просто. Если я не забуду и встану с правой ноги, все будет хорошо. Будет клев.

– Надо же, – без энтузиазма отозвался доктор.

– А если забуду, все – плохой будет день.

– Ясно, – сказал Анатолий.

– Вот сегодня я как раз забыл и с левой ноги встал.

Анатолий понимающе покивал.

– Но этим нельзя злоупотреблять, иначе перестанет работать.

– Да ну? – вежливо протянул доктор.

– Поэтому я иногда встаю на обе ноги. Чтобы было поровну всего – и плохого, и хорошего. Чтобы все нормально было.

Анатолий не ответил, уставился вдаль, и возникла новая неловкая пауза. Данила повздыхал и снова уперся взглядом в Лилию.

Теперь неловко отчего-то стало доктору – наверное, потому что ничего не сказал в прошлый раз. Но ему удалось себя побороть.

– Жарковато! – снова начал Данила.

– Да, – сказал Анатолий устало, – денек будет еще тот. Надо бы убирать отсюда Лилию, только нет никого.

– И правда! Сколько можно ждать? Может, я схожу за ними?

Анатолий не ответил, и Данила предпочел ничего не делать.

Прошло еще немного времени. Данила выстрелил в доктора еще парой-тройкой вопросов, тот вяло их отбил.

Сонное ожидание буквально взорвалось, когда вдалеке показались люди. Толпа галдела, как стая встревоженных птиц. Людской ручеек накатил на рыбака и доктора и сразу вовлек их в хоровод крика и слез.

С невероятным проворством, удивительным для ее комплекции, Анастасия, мать Лилии, выскочила откуда-то, растолкав всех локтями, и бухнулась на колени перед непристойно заголенным телом дочери. Звук, который она издала, больше напоминал вой сирены, чем человеческий крик. Анастасия пыталась гладить дочь, но руки не слушались ее, отчего было похоже, что она пытается ударить ее, но не решается. Мать давилась слезами, хотела что-то сказать, но из сдавленного горла вылетали только обрывки фраз и надсадные гласные.

Рядом с матерью возник Антон – высокая сутулая фигурка в одетой наспех одежде. Мальчик растерянно крутил головой и смотрел то на мертвую сестру, то на мать, которая, казалось,

вот-вот разорвется от рыданий, то на людей, нерешительно топтавшихся поодаль. В глазах его было пусто – он смотрел на все странным взглядом человека, только что снявшего очки.

Анатолий невольно отъехал подальше, насколько позволяла человеческая масса вокруг. У него вдруг разболелась голова. Подступила паническая атака: толпа, мертвое тело, крики и плач – все это болезненно напомнило ему о войне, с которой он вернулся калекой. Нельзя лишиться половины тела и сохранить при этом здоровую психику. Доктор схватился за голову, попытался прикрыть уши и не справился с коляской. Колесо ударилось о камень, и доктор полетел в воду.

Это подействовало на людей отрезвляюще. Доктору помогли подняться. Иван, местный кузнец, усадил Анатолия в кресло, а его жена, несмотря на нервную дрожь, сказала на удивление ясно и складно:

– Анатолий, староста пытался выстрелить в Пейла, но пистолет взорвался у него в руках. Снежана помогает ему, но нужно, чтобы вы его осмотрели. Он истекает кровью.

Анатолий тряхнул мокрой головой и невольно поблагодарил Господа за то, что тот устроил ему небольшое купание. Он долго просидел на солнце и был уже, видимо, не в себе, когда обстановка накалилась еще сильнее.

Он подъехал к сокрушающейся Анастасии. Женщина уже подрастеряла силы и вопила вдвое тише. Доктор наклонился к ней и влепил звонкую пощечину.

– Соберись, – прошипел он. – У тебя еще сын есть. Подумай о нем.

Анастасия посмотрела на доктора с ненавистью, но сразу замолчала – будто кто-то выключил звук. Анатолий невольно поймал себя на мысли, что этот нелепый плач был направлен вовне – Анастасия не столько оплакивала дочь, сколько показывала окружающим, как велика ее горе.

«Что за семейка?» – подумал доктор и решительно покатиł в направлении дома старосты.

* * *

На руку Григория страшно было смотреть – будто староста засунул ее в печь и хорошо прожарил. Кто-то заботливо подобрал пальцы, разлетевшиеся во все стороны при взрыве, и они лежали на испачканном платке на столике у кровати. Там же лежала потрепанная книжка, которую Григорий, видимо, читал на ночь.

Что делать с этими пальцами, Анатолий не имел не малейшего представления. «Использовать как закладки?» – съязвил он внутри себя. Будь он чуть более искусным врачом, наверное, он смог бы пришить их обратно, вот только пришивать их было решительно не к чему.

Отвратительная рана снова напомнила Анатолию об ужасах войны. Живот скрутило, и доктора едва не вырвало. Он обрадовался, что удалось сдержаться, но в остальном радоваться было нечему.

– Единственное, что я могу сделать, – сказал Анатолий, – прижечь рану, чтобы избежать заражения. Писать вы уже никогда не сможете и великим музыкантом вам не стать. Но, с другой стороны, вы уже и не в том возрасте, чтобы осваивать что-то новое. Вы сможете толкать двери, даже, наверное, сможете драться, и это хорошая новость.

– Пошел ты! – простонал Григорий. – Засунь свое чувство юмора себе поглубже в задницу.

– Лучше бы вы засунули пистолет себе поглубже в задницу и нажали на курок. Тогда вы избавили бы нас от своей глупости, – огрызнулся Анатолий. – Вы с Русланом что-нибудь слышали о суде? Знаете такое слово? Вы впервые столкнулись с серьезной проблемой в Приюте – и все, что вы смогли сделать, это достать ржавый пистолет и начать палить по кому попало.

– Не смей так разговаривать с моим мужем! – взвизгнула Анастасия.

– Да, оставь папу в покое! – поддакнул из-за маминого плеча Антон.

– Успокойтесь, – сказала Снежана ровным голосом. – Вас вообще не должно быть здесь. Мы вас пустили к отцу, потому что ваши стенания за дверью расстраивали пострадавшего.

– Быть калекой значит быть на особом положении. Я могу говорить все, что взбрет в голову, и это сойдет мне с рук, – улыбнулся Анатоль.

– Ты ведь так меня и не прости, да? – то ли прошипел, то ли простонал Григорий.

– Конечно, ведь это ты отправил меня на ту мясорубку. А мог бы сходить туда и сам. Но я рад, что и тебе досталось немного боли. То, что случилось здесь сегодня, я видел там каждый день.

– Если не собираешься мне помогать, проваливай. Когда я приду в себя, я с тобой еще поговорю.

– Милая, – сказал доктор Снежане, – подай мне кочергу, пожалуйста.

Анастасия попыталась преградить дорогу Снежане, но та холодно посмотрела на нее:

– Не мешайте лечению, пожалуйста.

Женщина постояла в нерешительности, а потом сделал неуклюжий шаг в сторону.

Медсестра сняла со стены большую ватную перчатку, надела ее и вытащила раскаленную кочергу из камина.

– Ну что, дорогой староста, – усмехнулся Анатоль, – сейчас будет немного больно. Самую малость. Но все – для вашего же блага. Дорогая, приложи-ка инструмент сюда, а потом сюда.

Если крик был бы осязаем, то староста исторг из себя высокую-превысокую башню, а потом, отвечая на новое прикосновение, воздвиг рядом еще одну, чуть выше.

* * *

Снежана сказала Глебу, что ее сегодня не будет весь день. Денек у всех сегодня выдался еще тот, что правда, то правда. Но Глебу не было особого дела до проблем старосты, до Пейла Арсина, до мертвых женщин – ему не было дела до женщин вообще. И потому он решил не терять ни минуты удивительного вечера и широких возможностей, которые открывались в связи с отсутствием мамки.

Она и вчера не ночевала дома, но заранее об этом не предупредила, так что Глеб ждал ее до последнего и все больше обижался, потому что мог провести это время куда приятнее.

Когда Снежана ненадолго зашла домой, вернувшись от старосты, и сказала, что ей опять нужно уйти и сегодня он остается за главного, в животе Глеба как будто распустился прекрасный цветок. Желание завладело им, и перед внутренним взглядом калейдоскопом побежали страстные образы. Он помылся, тщательно побрился и вышел из дому.

Разыскать Евгения не составляло труда. Несмотря на то, что убийство этой шлюшки утром поставило Приют с ног на голову, к обеду все более-менее пришли в себя и занимались своими делами, хотя и дрожали от возбуждения и гудели, как рой растревоженных пчел. Евгений играл в местном оркестрике, и они готовились к выступлению вечером в местном кабаке, репетировали мелодии позаунывнее в местной школе.

Глеб проскользнул в актовый зал и сел в заднем ряду. На репетицию забрели еще несколько человек, но никто не слушал: шептались о событиях дня. Для Глеба, наоборот, события дня ничего не значили, его больше занимало то, что может случиться вечером. Он пожирал глазами Евгения, который медленно вышагивал по сцене с инструментом. Евгений играл на трубе и весь раскраснелся от усилия. Это зрелище завораживало Глеба. Для него оно служило обещанием.

Евгений увидел Глеба и подмигнул ему. Тот расплылся в улыбке. Остальные участники оркестра если что и подозревали, то не подавали виду. Вообще, на них можно положиться: они часто прикрывали Евгения перед женой. Может, все они были педиками. Да, скорее всего – он видел, как они на него смотрят. Но так же они смотрели на Евгения. Любовники часто изводили

друг друга ревностью и поминали остальных музыкантов. Всех, кроме Василя, гитариста, – Вериного друга.

Когда отыграли, запыхавшийся Евгений спустился к Глебу и пожал руку.

– Сегодня у меня, – промурлыкал Глеб.

Евгений как-то неуверенно улыбнулся.

– Сегодня?.. Тут такие дела...

– Какие дела? – переспросил Глеб, чувствуя, как по сердцу бежит трещина.

– Ну как какие! Лилия, староста, Пейл Арсин...

– Плевать! В кои-то веки удастся получить в распоряжение кровать, а не подставлять зад холодному ветру, – прошептал Глеб со злобой.

– Ты животное, – сказал Евгений.

– О, еще какое!

– А что я жене скажу? – сказал Евгений с легкой улыбкой, как человек, который просит, чтобы ему разрешили сделать то, что он хочет. От этого трещина на сердце Глеба остановилась и обернулась вспять.

– Скажешь, что вы с ребятами будете всю ночь репетировать похоронные марши. Ночь – отличное время для этого, ты не находишь? Ребята тебя прикроют, если что.

Евгений улыбнулся, пожал плечами и покачал головой.

* * *

– У меня это все никак не идет из головы, – сказал Евгений, выскальзывая на смятой кровати из объятий Глеба.

– Что? – сонно пробормотал Глеб.

Евгений сел на кровати, пытаясь в темноте найти, куда забросил свои вещи.

– Я не понимаю такой страсти. Это как же надо хотеть кого-то, чтобы убить!

– Может, это не из-за страсти.

– А из-за чего? Все убийства – из-за страсти.

– Ты романтик, Женя. Просто кто-то ненавидит женщин, как мы.

– Я не ненавижу женщин. Просто с ними все не так. Я их не чувствую.

– А я ненавижу. И больше всех – твою жену. Так бы и убил ее.

– Перестань! – хохотнул Евгений. – Она хорошая.

– Лучше, чем я? – Глеб подполз к Евгению и положил ему голову на колени.

– Нет, что ты, нет никого лучше тебя, – мягко сказал Евгений и погладил юношу по голове.

– Почему тогда не уйдешь от нее?

– А на кого я ее оставляю? Она же не работает. И мы все равно не сможем встречаться открыто. Она нужна тебе так же, как и мне. Она как омела, под которой мы целуемся, – прикрывает нас.

– Гребаный Приют, – сказал Глеб. – Гребаный Пейл Арсин.

– Думаешь, это он убил Лилию?

– Не знаю, вряд ли. Но он – тот еще кобель. Как и этот ваш Василь. Меня бесит, что он подкатывает к моей мамке. Ей вроде нравится, но представь, каково мне будет, если у меня появится новый белый папочка? Может, она прямо сейчас с ним. Не хочу об этом думать. А еще он зазнайка, и это тоже меня бесит. Он смотрит на меня, как на говно. Однажды он со мной повел разговор о том, что понимает, каково это – быть не таким, как все! Да пошел он в жопу! Я, может, и педик, зато не урод. Кто знает, что там у него, в его белой башке. Да какая разница! Чем больше женщин умрет, тем лучше. И еще бы женушку твою кто прихватил.

– Не говори так, прошу. И ведь твоя мама – тоже женщина.

– Мама – это другое. Но если она умрет, я не расстроюсь. Лишь бы ты был рядом и утешил меня.

Евгений чмокнул Глеба в лоб.

– В тебе кричит юношеский максимализм. За это я тебя и люблю.

– А когда я стану старым, разлюбишь?

– Не говори глупостей.

Евгений поцеловал Глеба. Домой он вернулся позже, чем рассчитывал.

III. Компания

Зачем человеку нужна компания? Почему в одиночестве он тоскует и бросается на стены, как бешенная собака? Почему старается заглушить тишину фальшивым пением, бессмысленными фразами, обрывками мыслей?

Потому что окружающий мир – это враждебная среда, темный коридор в неизвестном доме, где нет дверей и всюду только дверные проемы, провалы в пустоту в сырых стенах. Скрипучий пол выдает тебя с головой и оповещает того, кто ждет тебя в темноте. Вокруг сыро и пахнет мокрым деревом. Воздух затхлый. Думаешь о погребке, червях и гроздьях грибов. Грибы – болезненно-яркие и растут из одной точки, больше похожие на волосы, тянущиеся из бородавки. Живот сводит и тебя тянет по малой нужде.

Вдвоем брести в неизвестность гораздо легче, можно что-то шепнуть и надеяться на ответ. И даже если неведомое чудовище бросится на тебя из темноты, есть шанс, что вместе вы сможете его одолеть. Но я знаю: ты пытаешься убедить себя в этом. И ты знаешь об этом. Под поверхностным слоем долга – тонким, как запястье школьницы, тонким, как бледная кожа старой девы, – щедрая жировая прослойка эгоизма. Кто-то другой нужен тебе не для того, чтобы разделить с ним твой страх, не для совместной охоты или дружного бегства. Нет, он нужен тебе для чего-то совсем другого!

Другой нужен тебе, чтобы им прикрыться.

Ты надеешься, что сможешь откупиться им, выторговать себе жизнь ценой его жизни.

* * *

Пейл Арсин сидел на скамье в маленькой камере, которая пустовала в участке городского уже много-много лет. Наверное, не все жители Приюта знали, что такая камера вообще есть. Приют, маленький городишко на краю света, где все друг друга знают, никогда не сталкивался с серьезными преступлениями. Иной раз кто-то затевал драку по пьяни или из-за любви (причины можно не разводить, если признать любовь опьянением), но серьезными правонарушениями это не назовешь. Когда-то давно, правда, говорят, на садовника Ефима нашло затмение, и он погнался с серпом за своим братом. Ту историю уже никто толком и не помнит. Ефиму недавно перевалило за сто, а брат его давным-давно умер. Теперь в городе происходило что-то исключительное, чего никогда не бывало, и это требовало принципиального иного подхода, а какого – Руслан не знал. Он смекнул, что самое правильное – изолировать Пейла. Не для того, чтобы ограничить его свободу, – а чтобы оградить его от возможных новых покушений. Поэтому он привел Пейла в камеру, которую до этого использовал как кладовку. Пейл не стал сопротивляться и сидел теперь там, среди смешного хлама: старых удочек, каких-то ящиков и потертых сапог.

Руслан никак не ожидал, что староста попытается убить Пейла. С тех пор, как Григорий рассказал ему о смерти дочери, городской будто погрузился в полусон и плыл по кошмару, как лист по реке, сам не зная, куда этот кошмар его выведет. Старосту отвезли домой, но Руслан решил туда не ехать, чтобы не встречаться с Анастасией. Он не хотел наблюдать ужасные сцены и не нашел ничего лучше, как под предлогом ареста Пейла высадиться вместе с ним около участка и спрятаться там. По идее, он должен был ехать на место убийства, но городской решительно не понимал, чем может быть там полезен. Умерла значит умерла – и все такое прочее. Тем более, на месте этот выскочка Анатолий. Он-то уже точно все разглядел и запомнил. Достаточно будет его пересказа. Надо просто подождать, и все решится само собой. Пейл – вот его забота. Главный подозреваемый. Вдруг кто-то устроит еще одно нападение на чужака? Ведь

не зря говорят, что все полетело коту под хвост, когда он здесь появился. Второй год урожая нет... А теперь еще и убийство!

– Ну и что мне с тобой делать, голубчик? – вздохнул Руслан после долгого молчания. Он сел на край стола, и угол впился ему в зад.

– Отпустить, – Пейл улыбнулся, демонстрируя свои знаменитые ямочки на щеках. Разделенный на полосы решеткой камеры, он выглядел еще внушительнее – будто выше ростом.

– А если сейчас Анатолий и компания принесут клочок белых волос с тела убитой?

Пейл пожал плечами:

– Не принесут, я же никого не убивал.

– Любой убийца так бы сказал.

– Это правда, – кивнул Пейл. – Послушай, Руслан, я вот о чем думаю. Раз мы с тобой здесь сидим и, видимо, просидим еще долго... – Пейл сложил пальцы в замок и похрустел суставами. – Тебе никогда не приходила в голову мысль, что мое появление здесь развязало вам руки?

– В каком этом смысле?

– Ну, вы жили тут – тихо, мирно, никого не трогали. Все друг друга знают, все – как на ладони. Вы жили, а в вас прорастали зернышки маленьких обид. Тот не так посмотрел, эта не так сказала. Обиды росли и выросли в уродливые деревья. Такие жуткие, какие представляешь, когда читаешь сказки в детстве: с большими корнями и кривыми ветками.

– Образно, – сказал Руслан.

– А потом на этих деревьях выросли отвратительные плоды, похожие на прыщи или гнойные нарывы. Они вот-вот бы прорвались, а потом – как удачно! – появился чужак. И этот чужак – как палец, который надавил на эти плоды. Они брызнули и разлились гноем. Понимаешь, о чем я?

– Не совсем.

– Я о том, что с появлением Пейла Арсина Приют превратился в Страну Делай-Что-Пожелаешь. Я удивлен, что это случилось только сейчас. Я думал, вы вцепитесь мне в глотку раньше.

– Раз ты такой умный, – огрызнулся Руслан, – отчего же не ушел? Зачем дожидался травли, если предчувствовал?

– Да потому что куда бы я ни пошел, всюду одно и то же. Посмотри на меня, – Пейл поднялся и едва не стукнулся головой о потолок, – я не такой, как вы. Куда я ни прихожу, везде все по одному сценарию. Я устал бегать. Честное слово, Руслан, если меня здесь линчуют, я буду рад. Я давным-давно понял, что меня однажды затравят, как зайца. Зайца-беляка – оценишь шутку?

Руслан невесело улыбнулся.

– Не говори так! – в участок решительно вошла Вера.

До этого она робела и подслушивала под дверью, но сейчас наконец собралась с силами.

– Вера! – вздрогнул Руслан.

Пейл подошел к решетке, взялся за прутья и заинтересованно посмотрел на девушку.

– Руслан, могу я поговорить с Пейлом наедине?

Городовой растерянно посмотрел сначала на Веру, потом на Пейла. Пожал плечами, взял со стола трубку и вышел. Он рад был остаться наедине со своими тревогами и ругал себя за то, что завязал бессмысленный разговор с чужаком.

Когда Руслан вышел, Вера близко подошла к решетке, отделявшей ее от Пейла, и взялась за прутья со своей стороны. Во всей ее позе было заметно стремление к Пейлу, драматически разбивающееся о решетку, запрещающую объятия.

– Пейл, зачем ты это делаешь?

– Делаю что? Я ни в чем не виноват.

– Я знаю! И все это знают. Тебя выпустят, когда во всем разберутся. Я не об этом!

Пейл удивленно поднял брови, но в глазах заблестели искорки веселья:

– А о чем же тогда?

– О ней! О Снежане! Почему с ней? Она же... она же... – Вера смешалась, подыскивая слово, всхлипнула несколько раз и выпалила: – старая!

– Странно! – усмехнулся Пейл. – Когда мы с тобой говорили в прошлый раз, ты мне сказала, чтобы я жил своей жизнью. Это я и пытался делать, пока весь ваш сумасшедший городок не высыпал утром под мою дверь. Потом меня заперли здесь. А сейчас ты приходишь сюда и критикуешь то, как я выбираю женщин. Что от тебя слышать как-то странно. – Пейл выразительно поднял бровь.

Щеки Веры вспыхнули. Она отпустила прутья решетки и отошла в сторону.

– Пейл, зачем ты так? Ты же знаешь, как мне тяжело!

– Мне тоже было тяжело. Я думал, ты останешься со мной. Но ты выбрала другого. Я отнесся к твоему выбору с уважением и не донимал тебя, хотя ты разбила мне сердце.

– Я не могла. Я обещала Василию... – Вера повернулась спиной к Пейлу, обхватила себя руками, а потом вдруг резко обернулась. – Ты мстишь мне, да? Зачем ты мне мстишь? Что я тебе сделала?

– Мне незачем тебе мстить, – сказал Пейл и осекся. – Вера, мы говорим банальности. Мы же уже все обсудили. Сейчас не время и не место для этого.

– Ты прогоняешь меня?

– Я просто хочу выйти отсюда. Хорошо бы с головой на плечах. Но можно и по частям. Выйду – если выйду – тогда поговорим.

– А нам есть о чем говорить?

– Ты же пришла, значит есть. Но, честно говоря, я не хочу все начинать сначала. Ты опять будешь метаться от Василя ко мне, от меня к Василию. Из этого ничего хорошего не получится. У меня есть Снежана, мне хорошо с ней, так что можешь считать, мы уже поговорили. Твои чувства понять легко. Твой интерес ко мне проявился вновь, потому что ты увидела меня с другой.

– У нее же ребенок есть! Он немногим младше тебя! – голос Веры дрожал.

– И что? Я всегда хотел стать отцом, – сказал Пейл.

– Ненавижу тебя! Надеюсь, они тебя повесят! Тебя и твою шлюху! – выплюнула Вера и в слезах бросилась к выходу. Расстроенная девушка так хлопнула дверью, что та едва не соскочила с петель.

Пейл надул щеки и выдохнул, выражая негодование.

Несколько минут спустя в участок проскользнул Руслан. Он выглядел смущенным, озадаченным и заинтересованным одновременно.

– Да, Пейл, – протянул он, – умеешь ты обращаться с дамами. Не зря про тебя брешут.

– Это наше личное дело, господин городской. Я не хочу об этом говорить, – ошетинился Пейл.

– Не переживай, я не люблю копаться в чужом белье. Я, собственно, зашел оповестить тебя о приходе нового гостя. Побуду твоим секретарем, так и быть. Эй, Стас, заходи!

В комнату вошел учитель Станислав. Это был худой, высокий и еще достаточно молодой человек. Лицо отличалось болезненной белизной. Бледность подчеркивала неопрятная черная борода клинышком. Под глазами – большие черные круги. Из-за старых крупных очков в роговой оправе глаза казались совсем крошечными. Вся его фигура производила впечатление суетливости и нервозности. Казалось, он долго-долго не спал, потому что в нем завелась какая-то тревожная мысль и источила его, как червь – яблоко.

Станислав неуверенно улыбнулся и энергичным шагом – что плохо вязалось с его тщедушной фигурой – подошел к камере.

Пейл успел сесть на железную полку, заменявшую в камере кровать, – для этого пришлось сбросить на пол часть хлама. Увидев учителя, чужак поднялся и махнул ему рукой.

– Учитель, какая честь! Чем обязан?

Станислав покосился на Руслана – в этот раз городской никуда выходить на стал и застыл на краю стола, весь обратившись в слух.

– Пейл, – начал учитель, – Пейл, я пришел сюда выразить вам свою поддержку.

– Спасибо! Надеюсь, это не помешало вашим занятиям?

– Сегодня все полетело к черту, мы отпустили детей по домам. Это неслыханное событие, все напуганы. Лучше детям побыть с родителями.

– Родителей тоже отпустили по домам? Если да, то этак у вас все производство встанет. Зима не за горами, есть ведь будет нечего. Эмиссаров-то давно нет.

Станислав нервно дернул щекой – это у него заменяло улыбку.

– Я пришел только, чтобы сказать: я всецело вас поддерживаю. Во всем. – Тут лицо учителя перекошило – Пейл не сразу понял, что тот ему подмигнул. – Я восхищаюсь тем, что вы делаете. Я помню то, о чем вы мне тогда говорили. Я все понял.

Пейл прищурился, внимательно посмотрел на учителя.

– Лиля ведь была вашей ученицей? – спросил Пейл.

Руслан подозрительно заерзал.

– Да, несколько лет назад, – сказал Станислав.

– Что вы о ней думаете?

Станислав как-то по-особенному взглянул на Пейла, будто искал двойное дно в его вопросе. Он молча отвернулся от решетки и прошел мимо Руслана к двери.

– Это была одаренная девочка, – сказал учитель с порога. – Очень одаренная. Только она потерялась и уже не найдется.

Когда учитель вышел, Пейл и Руслан посмотрели друг на друга.

– О чем вы сейчас поговорили? – спросил Руслан. В голосе скрипели тревога и подозрение.

– Видимо, каждый о своем, – ответил Пейл.

Новые гости пришли, когда солнце начало садиться. Пейл и Руслан слышали гул множества голосов. Толпа людей, даже если ведет себя чинно, все равно похожа на растревоженный осиный рой: дрожащие нервы из одного выдают кашель, из другого смешок, из третьего – неясное бормотание. Пейл не раз сталкивался с толпой и мыслил ее единой злой волей. Всегда оказывалось, что сумма слагаемых меньше всего, из чего она складывалась: в толпе меньше жалости, меньше здравого смысла и меньше любви к ближнему, чем у отдельно взятого участника людского сборища. Чужак примерно представлял, что произойдет дальше. Обычно подобные представления состоят из трех действий. Первое действие Пейл называл про себя «расстановкой сил»: толпа захватывает территорию, распространяется по ней, окружает объект травли будто река, прорвавшая дамбу. Второе действие, «знакомство»: толпа превращается в огромный нос, который обнюхивает жертву и пытается определить, исходит ли от нее запах страха. Важным моментом в этом действии является «посольство» – несколько обвинителей, самых голосистых кликуш из толпы. Обычно это дородные дамы или женоподобные мужчины с пронзительными голосами. И в зависимости от того, как жертва проявит себя во втором действии, толпа переходила (или чудом не переходила) к самому сладкому, к третьему действию – к «Расправе».

Пейл оказался прав: все разыгралось, как по написанному – как и в множестве других мест, где его больше нет.

Первыми в участок ввалились безликие мужички – такие всегда откуда-то берутся, если запахнет расправой. Невзрачные, одинаковые лица, все сплошь в головных уборах – кто в мятых кепках, похожих на раздавленную булочку, кто в шляпах, хотя на улице жарко, светит

солнце и приятно подставить лицо под теплые солнечные лучи. Эти люди, казалось, боялись солнца и старались спрятать лица в тени – то ли от того, что на душе всегда было темно, то ли для того, чтобы стереть индивидуальность.

За мужичками проковыляли старухи, завернутые в какие-то серые тряпки – все сплошь с гримасами отвращения на лице. Наверное, они думали, что опущенные до иссохших грудей уголки губ сообщат им важный вид.

После старух в участок друг за другом вошли Анастасия, жена старосты, их сын Антон и сам староста. Увидев последнего, Пейл понял, что без третьего действия сегодня не обойдется. Старый, потертый чемодан в здоровой руке старосты выглядел подозрительно.

Эти трое представляли собой будто бы три стороны человеческой натуры. Анастасия надела на себя маску Страсти. Женщина, обычно тщательно следившая за своим внешним видом, пребывала в полном беспорядке: юбка и блузка на ней измялись и перепачкались, колготки порвались, зато лицо пылало огнем. С таким лицом религиозные фанатики идут умирать или убивать за веру, только очевидно было, что Анастасия умирать не собирается.

Ее сын казался воплощенной Трусостью. Он дрожал всем телом и ни на чем не мог остановить взгляд. Его глаза обстреливали помещение и били по углу, в котором разместился Пейл, но все время мазали: мальчик боялся встретиться взглядом с мнимым убийцей, несмотря на притяжение зла, которое сегодня символизировал Пейл.

Староста играл роль Боли. По его перекошенному лицу, по тяжелой походке, по какому-то неприятному излому всего тела читалось, что этот человек в одночасье поломался. Самым страшным в его облике были глаза – пустые, рыбы, ничего не выражающие. Пейл невольно содрогнулся, встретившись взглядом с Григорием. Это были уже не человеческие глаза, а глаза куклы. Если этот начнет что-то делать, то не остановится и дойдет до конца – как пуля, вылетевшая из дула пистолета.

Толпа закончила первое действие, заполнив все пространство участка, и Пейл нахмурился. Сейчас начнется второй акт, от которого зависит его жизнь.

Первой ожидаемо заголосила Анастасия, но направила свой гнев, к удивлению, в другое русло: сцепилась с Русланом.

– Ты чего моего мужа бросил? Зачем спрятал его убийцу? Ты его покрываешь, да? Ты с ним заодно, что ли?

Анастасия уперла руки в бока в классической позе силы и превосходства. Под таким напором Руслан съехался и вжался в свой стол, пытаясь претвориться бессловесным деревом.

– Я с тобой говорю, а? – не унималась Анастасия. Женщина нависла над городовым и замахнулась для удара.

Пока «посольство» не продемонстрировало силу, нужно взять ситуацию в свои руки. Пейл встал в своей коморке, выпрямился во весь свой рост, схватился за прутья и гаркнул:

– Хватит!

Анастасия дернулась, резко обернулась, взгляд ее остановился на Пейле, глаза сузились.

– Ты сюда не из-за него пришла, а из-за меня. Вот и говори со мной.

Анастасия подошла к клетке. Несколько секунд презрительно сверлила Пейла глазами, а потом смачно плюнула в него. Промахнулась: слюна вспенилась на железном пруте.

– Убийца! – заклемила Анастасия Пейла. По толпе прошел возбужденный шепот.

Пейл раздумывал, как поступить. Если он сейчас добродушно улыбнется, заговорит, выскажет сочувствие, коллективный нос различит нотки страха. И тогда толпа радостно разверзнет свою исполинскую пасть и сожрет его. Он может промолчать и попытаться изобразить из себя святого: хлопать глазами и сносить все оскорбления. Только толпа поймет это как ту же трусость.

Пейл усмехнулся и сказал:

– Как же вы все меня достали! – сказал Пейл, вкладывая в слова всю свою ненависть, весь накопившийся яд. – Ты – жирная корова, а твой муж – тупой осел. Он и с членом обращается так же, как с пистолетом. Оно и видно: вон вы каких дегенератов нарожали. Дочь – шлюха, сынок – трус. Вон как дрожит, как лист на ветру.

Никто не ожидал таких слов. Слова Пейла подействовали на людей, как яростный холодный ветер, что прижимает траву к земле и студит ее. Некоторые старухи и мужички, окружавшие посольство, даже немного попятнулись.

– Тупицы! Какие же вы тупицы! Вы думаете, что если я не такой, как вы, если у меня другой цвет кожи, другой цвет волос, у меня мозги устроены как-то иначе, не так, как у вас? Может, и дерьмо у меня белое? Ха! На самом деле вы правы! Видимо, я действительно не такой, как вы – гораздо умнее вас. Потому что я-то понимаю, каким дураком должен быть чужак, который совершит преступление в городе, где в принципе не совершают преступлений! Интересно, на кого подумают первым?

Люди потрясенно молчали. Несколько человек беспомощно переглянулись. Даже воинственная Анастасия как-то сжалась и подрастеряла пыл.

Но тут из задних рядов какой-то мужичонка прошипел:

– Убийца сказал бы то же самое!

Довод был принят одобрительно, и толпа выдохнула.

– А то, что я провел ночь с женщиной, которая может это подтвердить, вам ни о чем не говорит? Вы слышали такое слово «алиби»? Выметайтесь отсюда! Только зайдите по дороге в библиотеку, уточните значение этого слова.

Одна бабуля раскашлялась – вот и весь ответ, который получил Пейл. Но атмосфера в помещении значительно разрядилась. Люди переглядывались и жали плечами. Никто не знал, что сказать дальше. Поглядывали на старосту, но тот помалкивал. Руслан, почувствовав общее замешательство, спохватился и замахал руками:

– Да-да, нечего тут толпиться. У вас что, дел нет? Расходимся! Мы с Григорием сами здесь разберемся. А ты, Григорий, чего пришел? Тебе надо руку лечить! Как рука?

Люди нехотя послушались и вяло потянулись к выходу. Кто-то хотел остаться, но общий порыв увлек всех – точно так же, как заставил всех сюда прийти. Злой мужичонка не унимался и шипел, что Пейл все подстроил, но его уже никто не слушал. Кто-то угукал, но не задерживался. Пейлу удалось пристыдить людей, а стыд отрезвляет. Они пришли судить, а осудили их.

Староста и его семья все не уходили. Руслан вопросительно посмотрел на них. Григорий сделал неопределенный жест перевязанной рукой – чемодан он по-прежнему держал здоровой рукой – и сказал жене:

– Настя, уводи Антоху. Я остаюсь.

И по его тону все присутствовавшие поняли: быть беде.

IV. Прикосновение

Прикосновение – имитация полового акта. Представьте, что вы сидите в метро. Не знаю, известно ли вам, что такое метро, но раньше в больших городах был такой вид транспорта. Огромные яростные поезда, которые носятся под землей, как гигантские черви. Шуму от них было! До того как все накрылось медным тазом, эти земляные змеи перевозили миллионы людей во чреве своем. Люди набивались в них, как грешники в котел. На это стоило посмотреть: орды иштурмуют узкие воротца, чтобы влиться внутрь и занять лучшие места – сидения. Когда-то народы, гонимые голодом и холодом, рвались так на плодородную почву. Да, народу раньше было – жуть. Весь этот чертов Приют уместился бы в метро, и еще осталась бы куча места. Но разговор не об этом – о прикосновении. Так вот, представь себя в метро: в этой бочке, забитой людьми. Холодно, все в уродливой плотной одежде, защищающей от мороза. Ты будто застрял в мамином шкафу, где на вешалках – одежда тебе не по размеру и все эти платья и кофты душат тебя, давят и забивают нос запахом затхлой теплоты. И вдруг ты видишь ее – самую красивую женщину, ту Единственную, что ждал всю жизнь. Хочется представить ее в легкой одежде, возможно, в красном платье – в противовес всем остальным. Изящную, тонкую, а не картофельно-круглую. Неважно, во что она одета; для тебя в этот чувственный миг есть только она – потом услужливое воображение дорисует детали. Она будет голой или в ярком обтягивающем коротком платье, или в пышном платье для бала, или в потертых джинсах и белой майке, или в элегантном пальто с загадкой наготы внутри, или в роскошных мехах и жемчужном ожерелье-петле... Фантазия украсит ее так, как тебе хочется. Эти несколько минут до того, как она сойдет с поезда, – ваше первое и последнее свидание. Дальше жадная толпа сожрет ее, и она вернется к своей жизни без тебя – к своему отцу, парню, мужу, чтобы он обнял ее, а не ты. Ты никогда не решишься подойти к ней, а если решишься, то толпа, сжимающая тебя со всех сторон, не пустит тебя, как если бы между вами была тюремная решетка. Все, что у тебя есть – одно мгновение, когда она протиснется сквозь человеческий лес к выходу, и твой палец, в который ты обратишься весь в отчаянном стремлении к ней. Твой палец – это твой изнывающий фалл, стрела Эрота, пуценная в молоко, дротик, устремившийся к пяте Ахиллеса. И когда ты коснешься ее своим пальцем – в этом кошмарном метро, в этом орфеевом подземелье – всего один-единственный раз ты сольешься с ней – не в единое целое, но в некую странную скульптуру, подобную Лаокоону и его сыновьям, которых змеи соединили в предсмертном объятии. Люди вокруг – та же змея, а духовная связь, искра, то последнее единение перед лицом смерти – промчится через твой палец. И она обернется, чтобы возмущенно посмотреть тебе в глаза, ты поймашь ее взгляд – и потеряешь навсегда, как Орфей потерял Эвридику.

* * *

– Пейл, я давно хотел с тобой поговорить, – сказал Григорий, грузно усаживаясь на стул. Руслан настороженно смотрел на старосту, по-прежнему вжавшись в стол. Городовой напоминал старую больную птицу, которая вот-вот сорвется с верхотуры и рухнет в бездну.

– Ты меня извини, – продолжил староста, – я вспылел. Не оценил ситуацию.

Руслан поднял бровь: староста был резким человеком и никогда ни перед кем не извинялся. В этом была его принципиальная позиция, и он сам не раз говорил об этом: «Я олицетворяю здесь власть, и потому я всегда прав». Пейл тоже выглядел озадаченным – чужак, судя по всему, хорошо разбирался в людях и не верил в произошедшую с Григорием перемену.

Староста поставил стул спинкой перед собой, уперся в нее грудью и обхватил здоровой рукой, отчего дерево жалобно застонало. Чемодан, прислоненный к ножке стула, свалился, но староста не обратил внимания.

– Я помню тот день, когда ты появился здесь, Пейл, – сказал Григорий. – Он был такой же жаркий, как сегодня. В последнее время все теплее. И зимы не такие холодные, как раньше. Кажется, Господь решил нас изжарить. Или он перестал скрывать очевидное: мы живем в аду.

Староста говорил каким-то тихим надтреснутым голосом: как будто был слегка простужен. Или как будто что-то внутри него сломалось – не хватало только торчащих во все стороны пружин.

– Мне о тебе рассказал Данила, будь он неладен, – староста усмехнулся. – Он – наша Кассандра. Приносит только плохие новости. Помню: выхожу во двор, а там он стоит и мнет свою кепку. Я отчего-то сразу понял, что жизнь моя изменится. И вот оно как вышло.

Староста поднял забинтованную руку и повертел ей перед собой.

– Данила сказал, что видел дьявола. Он был пьяный в стельку. И ты, Пейл, показался ему дьяволом, – Григорий усмехнулся. – Представляю себе эту картину: ты, избитый, голый, весь в крови, бредешь вдоль берега. Твои пустые глаза смотрят в одну точку. В этом что-то есть, знаешь? Какая-то красота. Это как смотреть на грозу или на бурю. Ярость природы. Ведь ты, Пейл, – вихрь, который снесет Приют. И черт с ним, с этим городом. Мы все его ненавидим. Ты ведь за этим пришел, правда, Пейл? Признайся!

Руслан перевел взгляд на Пейла. Тот сложил руки на груди и угрюмо смотрел на старосту. О чем он думал? Пейлу не откажешь в уме, и он видел то же, что видел Руслан: староста не в себе. Смерть дочери и травма выбили его из колеи. Его поведение изменилось, даже лицо приобрело какие-то новые, пугающие черты. Глаза закрыты, рот приоткрыт, все лицо как будто оплыло, как если бы чуть подтаяло на жару. Рисунок морщин и тени лежали на лице по-новому. По спине городского пробежал холодок: он читал, что у людей может крепко помутиться рассудок и на фоне ужасного стресса является новая личность. Неужели именно это он сейчас и наблюдает? Или тот староста, которого он знал, и был пресловутой маской, которую этот человек сбросил, помешавшись от горя.

– Слушай, Руслан! – обратился Григорий к городовому, и в животе у того возникло мерзкое чувство – предчувствие непоправимой, большой беды. – Не понимаю, зачем ты закрыл Пейла. Пусть идет и рушит, – Григорий с неожиданным проворством вскочил со стула и яростно пнул его ногой, – ЭТОТ ГРЕБАНЫЙ ГОРОДИШКО!

Стул с грохотом повалился на пол. Староста перешагнул через него и подошел к Руслану.

– Отдай мне ключи!

Из рта Григория пахло как-то по-особенному. Сквозь запах плохих старых зубов и испорченных внутренностей проступало что-то еще. Какой-то сладковато-гнилостный запах. Наверное, так пахнет безумие, – подумалось Руслану.

Он решил не спорить, достал ключи от камеры из кармана и молча протянул их Григорию. Тот улыбнулся краешком рта и пошел к Пейлу. Ключ на удивление легко нашел замок. Можно было предположить, что рука Григория дрожит и он попадет не с первого раза. Однако он легко справился с задачей.

Лязгнула дверь. Но Григорий поступил странно – он не отошел в сторону, чтобы пропустить Пейла. Староста вошел в клетку и встал напротив Пейла. Старик едва доставал чужаку до груди. Пейл недоверчиво смотрел на Григория, но ничего не предпринимал.

Староста быстро сунул руку во внутренний костюм пиджака. В кулаке что-то блеснуло. Руслан напряг глаза.

Шприц.

Пейл опоздал на секунду.

Староста со змеиной быстротой, какую совсем не ждешь от грузного старика, вогнал шприц в плечо Пейлу. Тяжелая рука смахнула старосту в сторону, как назойливого жука, но было поздно. Григорий ударился спиной о решетку. Звук, который он издал, совсем не походил на стон: он смеялся.

– Глупый сукин сын! – прокаркал он. – Наивный ублюдок! Я попросил у Анатоля самое сильное снотворное, которое уложило бы и коня. И этот напыщенный индюк выдал его мне. Конечно, ведь бедняжка отстрелил себе пальчик. Вот он удивится, когда узнает, какое я нашел ему применение.

Пейл сделал шаг к старосте, оступился, качнулся в сторону. Выражение гнева сменилось сначала удивлением, затем предельным спокойствием. Пейл упал на скамью, но неудачно – соскользнул на пол.

– А вот теперь я с тебя взыщу по полной! – сказал староста, склонившись над чужаком. – Око за око!

Григорий плюнул на Пейла.

* * *

Евгений возвращался домой, к жене. Над Приютом чернела ночь – наверное, самая темная за все время существования этого городка. Появление Пейла, убийство Лилии – первые камешки обвала, который может смести привычную жизнь. Евгений и не знал, что так боится перемен. В нем происходили и другие, пугающие, постыдные, очень личные перемены; он все безнадежнее запутывался в паутине противоречий и не видел выхода из ловушки, в которой оказался из-за своей слабости. Полгода назад начался его роман с Глебом. Евгений с самого детства знал, что с ним что-то не так, что он не укладывается в привычные рамки: он читал это в своих снах, различал это в танце огонька собственного желания. Плотины, которую он построил внутри себя, держалась стойко и не давала течей, пока Глеб дерзко не разрушил ее. Это все он, Глеб, этот дерзкий мальчишка, соблазнил его. Но эйфория, которую испытал Евгений, когда поддался искушению, не продлилась долго: он по-своему любил свою жену, хоть и не получал никакого удовольствия от связи с ней. Он не хотел ее обманывать и не мог не обманывать. Но самое ужасное – Глеб ему совершенно не нравился. Он презирал его и считал пустышкой. Когда он видел его, этого красивого мальчика, у него по телу будто бежали электрические заряды, кипела кровь и он весь погружался в сладостную истому, предвкушая удовольствие. Только после любовного акта он терял к нему всякий интерес: все, что говорил Глеб, казалось Евгению раздражающей чушью, даже звук его голоса был неприятен. Ему приходилось нехотя отвечать на его жеманное воркование. В последнее время он все чаще думал о жене. Доходило до того, что в моменты измены он представлял ее перед собой. И эта проклятая двойственность – нежелание обладать женой и презрение к любовнику – сводила его с ума. Эти полгода он раскачивался как маятник – от невероятного блаженства до полного отчаянья. Постепенно, правда, начало вырисовываться решение: раздражение одерживало верх над страстью. Евгений хотел бросить Глеба, но только никак не мог лишиться себя прелестей этой преступной страсти.

Учитель Станислав рассказывал ему о большой книге, которая хранилась в библиотеке Приюта с незапамятных времен. Кажется, Станислав был единственным, кто ее читал. В ней в ироническом ключе пересказывалась древняя легенда о возвращении героя домой. Древний герой Одиссей долгие годы плыл по морям и попадал в ужасные опасности, чтобы наконец вернуться к верной жене. А герой этой большой книги в течение суток возвращался домой из пивной к неверной жене, пьяный, разбитый, предельно далекий от того, что называется героизмом. Евгений чувствовал себя такой же пародией на Одиссея.

Евгений свернул на улицу Хеймдалля, отсюда до дома было рукой подать. Улица Хеймдалля – тьфу, пропасть. В детстве его завораживали названия улиц в Приюте. Они назывались в честь мертвых богов и героев из давно позабытых стран. Бульвар Брюнхильд, проспект Вотана, Парнас... В этих словах звучала настоящая романтика, от них веяло чудом. Сегодня они казались Евгению глупыми, даже насмешливыми – призрак погибшего мира, локоть, который никак не укусишь. Чем руководствовались отцы-основатели? Наверняка открыли мифологический справочник – и понеслась! Хорошо хоть не называли улицы по номерам – верх топонимической импотенции.

Евгений заметил краем глаза какое-то движение. Он нервно глянул в сторону, вырванный из своих мыслей. Из темноты переулка вышла фигура и двинулась к нему. В животе завязался холодный узел: незнакомец двигался к нему энергичной, упругой походкой. Когда Евгений в бледном свете фонаря разглядел, кто это, он испытал облегчение – это был всего-навсего учитель Станислав. Ну да, только вспоминал его. Как говорится, вспомнишь солнце, вот и лучики.

– Привет, Стас! – Евгений сделал неуклюжий жест рукой, приветствуя учителя.

Станислав начал учить детей сравнительно недавно. Может быть, лет десять назад, когда умер Иосиф, прежний учитель. Детей в Приюте было немного, и одного учителя хватало на всех, кто хотел учиться. Молодой (уже десять лет как) учитель еще не обрел той необходимой дряхлости, которая вызывает неизбежное уважение, поэтому его еще ценили мало и воспринимали скорее как бледную копию ушедшего патриарха. Вся его субтильная фигура, казалась, способствовала этому мнению. Станислав был похож на огородное пугало, сошедшее с шеста.

Учитель кивнул на приветствие Евгения и натянуто улыбнулся.

– Плохой сегодня день, да, Евгений?

– Не то слово. Что там с Пейлом, не знаешь?

– Руслан посадил его в клетку.

– В участке?

– Да.

– Ну и дела. Я не знал, что там есть клетка.

– А она есть.

Наступила неловкая пауза. Евгений попытался сделать шаг в сторону, но Станислав быстро преградил ему дорогу. Евгений вопросительно посмотрел на него, но тот только улыбнулся.

– А что вы здесь делаете, в такую темень? – спросил Евгений, чтобы что-то спросить.

– Это не так уж и важно. Важно, что здесь делаете вы, – сказал учитель.

Евгения охватило недоброе предчувствие. Он внимательно посмотрел на учителя и вдруг помертвел: он знает. Это говорили его холодные глаза, это говорила его напряженная поза.

– Я задержался, мы с ребятами играли... – начал глупо оправдываться Евгений, но голос дрожал, и он возненавидел себя за эту дрожь.

– Вы собираетесь в другой стороне города, – сказал Станислав.

– Мы были в другом месте в этот раз, – Евгений продолжил свою невразумительную оборону.

– Мы же оба знаем, что это не так, – мягко, чуть присюсюкивая, сказал Станислав, как будто Евгений был его маленьким учеником.

Евгений стушевался и не нашелся с ответом.

– Евгений, – сказал учитель. – Я ведь начал с того, что у нас случился такой тяжелый день. Наш город испытал страшное потрясение. Я не уверен, что мы сможем оправиться от него. Беды – они как лавина, как снежный ком. Они превращаются в безжалостную стихию, которая сметает все на своем пути. И первый снежок, упавший на наши головы – Пейл Арсин.

– Гребаный Пейл Арсин, – машинально сказал Евгений. В последнее время в Приюте эта фраза стала чем-то вроде «Черт побери!»

– Но мало кто понял, что же такое этот Пейл Арсин, – сказал Станислав. Взгляд его сделался мечтательным, и это напугало Евгения еще больше. Но тем не менее он зачем-то спросил:

– И что же такое Пейл Арсин?

– О, – учитель улыбнулся еще шире. – Пейл – это заря нового дня. Знаешь, улицы нашего города названы в честь разных мифов. Среди них больше всего скандинавских названий, ты когда-нибудь думал об этом? Я сам посчитал! 63 – скандинавских, 50 – греческих, 19 – славянских. И это учитывая, что наш с тобой язык вобрал в себя больше греческого, чем финно-угорского. Почти все – от греческого, почти ничего – от скандинавского, понимаешь? Мы всегда хотели быть не тем, чем являлись. Мы стремились на юг, а не на север. Север – это холод и голод, а юг – изобилие и счастье. Кто виноват в том, что мы люди? Мы хотим поплотнее набить брюхо, поменьше работать, забыть о необходимости выживать. Мы стараемся забыть о том, что такое быть человеком. Мы прячем наше дерьмо в водопроводе, мы узакониваем совокупление, мы выращиваем животных на убой вместо того, чтобы охотиться на них.

Учитель распалился и почти кричал, Евгений сделал несколько неуверенных шагов назад, но учитель последовал за ним, дрожа и искрясь.

– Но история – она как колесо. Совершив полный круг, она возвращается к началу. И Пейл – это начало. Это новый человек. Это снег, который упал нам на головы. Это суровый северянин, сделанный из льда, который пришел к нам, как когда-то бог пришел к евреям. Но как и евреи, мы его не поняли и не приняли. И мы распнем его за то, что он напоминает нам, какими мы должны быть. Ты понимаешь, о чем я? Понимаешь?

Одной рукой учитель схватил Евгения за воротник, другую запустил в карман своего линялого пиджака.

Ошарашенный, Евгений мелко закивал, чтобы не раздражить сумасшедшего.

– Если понимаешь, то ответь мне всего на один вопрос, – учитель понизил голос и зашептал, как одержимый. – Что делали люди до того, как появилось первое общество? Что делали эти люди из льда и снега?

Евгений не знал, как ответить и не хотел отвечать. Он, оробев, смотрел в опустевшие глаза учителя и молился про себя всем богам, в честь кого названы улицы в Приюте, чтобы они отвели от него беду.

– Не знаешь, а? – усмехнулся Станислав. – Они пытались выжить! – учитель рывком и резким движением вытащил руку из кармана. В руке его что-то блеснуло, и Евгений вдруг понял, что будет дальше. Он попытался оттолкнуть учителя. Тот вцепился в него мертвой хваткой.

Станислав сделал широкий жест рукой, будто бы выполняя ритуально действие, а потом неспешно, как-то буднично воткнул нож Евгению в рот, раскрытый от изумления, повернул лезвие и вынул обратно. Евгений медленно поднес руку к губам, поглядел на собственную черную кровь, испачкавшую пальцы, и перевел удивленный взгляд на Станислава.

Учитель улыбнулся шире, его очки блеснули, и он вогнал нож в грудь Евгения по рукоять.

– Содомиты не могут выжить, понимаешь? – сказал Станислав. – Единственное, что им остается – сгинуть. Лавина сметет их.

Это последние слова, которые услышал Евгений.

Удивительно, подумал он. Ведь я никогда не называл себя содомитом, я – не содомит, это не про меня, это слово, я не такой, это слово совсем не описывает всего, что я есть, это слово – это не я, я – больше, чем это слово, я – это...

V. Приветствие

В том, как люди приветствуют друг друга, – признак разложения отношений. Эхо из будущего, где они больше не хотят слышать друг о друге. Приветствия бывают или избыточными, или недостаточными; никогда – такими, какими должны быть. Приветствие – это всегда разочарование. Мальчик отворачивается от матери, которая пытается его поцеловать, потому что хочет стать старше. Девочка избегает поцелуя дедушки, потому что у него жесткие как щетка усы и плохо пахнет изо рта. Парень натянуто улыбается девушке при встрече, потому что должен улыбаться, а сам думает не о ней. Девушка целует парня, а от нее пахнет другим мужчиной. Солдат возвращается домой, а его встречает в слезах мать – их отец погиб. Собака прыгает от радости при виде хозяина, но он равнодушно отталкивает ее. Старые друзья сидят за столом и молча напиваются, потому что не знают, о чем говорить. Старший брат выдавливая из себя понимание, когда родители обнимают младшего. Бывшие любовники обмениваются ничего не значащими словами при встрече, им неудобно и хочется поскорее разойтись. Служащий отеля встречает пару и не может сдерживать осуждения, когда видит кольцо у него на пальце, а у нее – нет. Монах смотрит на того, кто пришел исповедоваться, как на червяка. Бог на небесах принимает заблудшие души и вынужден отпускать их грехи, которые не хочет прощать. Дьявол в преисподней скрежещет зубами, принимая очередную партию, потому что квадратные метры в аду стоят дорого, но мироздание обязало сатану раздавать их бесплатно. Моряки радуются ветру, который пришел на смену проклятому штилю – посмотрим, порадуются ли они, когда ветер превратится в безжалостного зверя, в кошку, которая от скуки поиграет с ними, нехотя сожрет, а потом выплюнет на мокрые камни. Первое появление на свет – прямо из мамкиного животика – заканчивается криком, побоями и затяжными поисками себя. Молодожены встречают рассвет, а Солнце мечтает об одном – поджечь им носы. Старая, усталая, блудливая звезда, которая дарит свое тепло всем без разбору!.. Птицы веселым щебетом встречают весну, но ей это безразлично: весна – это время, завязывайте вы с этими олицетворениями. Первая встреча с инопланетными тварями, при виде которых хочется кричать, заканчивается полным фиаско: Президента Соединенных Штатов Земли стошнило в скафандр. Эсмеральда встречает трех мужчин, влюбленных в нее: горбуна, попа и самовлюбленного офицера, на их лицах – только похоть и чувство превосходства. Убийца срывает маску, показывает жертве свое лицо и признается, что ему нравится убивать тех, кто его знает. Всякое приветствие – прыжок в пустоту.

* * *

Пейл Арсин оказался в крайне затруднительном положении. Пока он был в отключке, свихнувшийся староста привязал его к стулу. Как ему это удалось, с одной-то рукой? Наверняка городской помог ему! Пейл попробовал веревки на прочность – держат крепко. Мямля городской стоял неподалеку, приклеившись к своему столу. Староста сидел на полу напротив Пейла, обхватив колени здоровой рукой, и покачивался в такт своим мыслям. Было в этой позе что-то чертовски неправильное – негоже взрослому так сидеть. Рядом с ним стоял небольшой чемоданчик. Решетка была открыта, и ничто не мешало Григорию подойти к Пейлу и сделать какую-нибудь гадость. От этого Пейлу было не по себе, но он гнал от себя мрачные мысли. Он знал, что ничем хорошим день не кончится, и оставалось только надеяться, что крупница здравого смысла еще прячется за рыбьими глазами старосты.

– Пейл, – Староста говорил, растягивая слова, как пьяный, – перед тем, как мы с тобой расстанемся, а мы с тобой расстанемся сегодня как лучшие друзья, даже, я бы сказал, как братья, я хочу кое-чем с тобой поделиться. Так, парочкой наблюдений. Знаешь ли, всех время от времени одолевает тяга к перемене мест. Особенно когда это невозможно. Хочется сорваться с места, послать все к черту и уйти куда глаза глядят. Но Приют – это же райское местечко. Островок спокойствия в этом безумном мире. Кто в здравом уме решится на то, чтобы уйти отсюда? Правильно – только идиот! Ты знал, что каждые двадцать семь лет к нам приезжают эмиссары, чтобы забрать на войну пять молодых мужчин? Война – ужасная бойня, которая раздирает весь мир, пока мы тут нежимся в Приюте. Но война – это способ повидать мир. Это такой оптимистический взгляд на вещи. Эмиссаров всегда двое, и они похожи на близнецов, только они вряд ли родились такими. Война сделала их похожими друг на друга. Те эмиссары, которых я видел, больше походили на чудовищ, чем на людей, настоящие пришельцы из фантастических книг – у них были обожжены лица. Страшнее всего были уши. У эмиссаров не было ушей, только черные провалы в голове. Мужчины в Приюте тянут жребий. И жребий выпал мне и еще четверем неудачникам. Такова наша плата за эмиссарские грузовики с провизией. За банки с фасолью! За спички, мать их! – Григорий выдохнул. – Но меня так пугали эти эмиссары и эта война. Я совсем не хотел покидать Приют, хотя еще мальчишкой бегал по двору с палкой и фантазировал, каким великим воином я стану и как много славы и богатства принесет мне участие в войне. Я струсил и откупился Анатодем, нашим доктором. У моей семьи денег завалились. Он был еще зеленый и восторженный и с радостью обменял мой жребий на деньги. Все отдал родителям – какой хороший мальчик! Они сделали ремонт в своем доме на эти деньги. – Староста усмехнулся. – Из тех пятерых с войны вернулся только Анатодем. Ополовиненный. И он с тех пор меня ненавидит. Наш добрый доктор скоро понял, что такое война, и вот тогда он меня и проклял. Мне кажется, ненависть ко мне вывела Анатодея обратно в Приют – чтобы он мог вечно донимать меня своим присутствием. Живое напоминание о судьбе, которая ждала меня, но от которой я смог откупиться. С тех пор прошло двадцать семь лет, но эмиссары не появились. Впервые за все время, что стоит Приют. Но вместо них явился ты. И вот результат, – староста потряс искалеченной рукой. – Ты пришел забрать должок, да, Пейл? Ты – это воплощение судьбы? Ты – мое гребаное Возмездие?

Пейл ничего не ответил. Что тут скажешь?

– Но ты не ограничился моей рукой, сукин ты сын. Ты забрал мою дочку! – Голос старосты взлетел. Григорий сбился, хватая ртом воздух, и вдруг разразился рыданиями.

Пейл скосил взгляд на Руслана, тот выглядел растерянным и напуганным.

– Знаешь что, Пейл, – Григорий поднял мокрое от слез лицо, искаженное ненавистью, – да пошел ты! Я говорю это тебе, своей судьбе, гребаной войне и всему миру! Пошли вы! На войне как на войне!

Григорий неловко поднялся и сделал шаг в сторону. Он раскрыл чемоданчик, чтобы продемонстрировать Пейлу содержимое. Пейл скользнул взглядом по острому железу и облизнул пересохшие губы.

Староста здоровой рукой достал оттуда кусачки.

– Око за око, а, Пейл? – сказал Григорий, клацнув желе зом.

Пейл Арсин оценил сюрреализм ситуации. Ему казалось, он видит кошмарный сон. Он смотрел на старосту и понимал, что горе вышибло ему последние мозги. Сейчас этот маньяк был способен на все. В жизни Пейла бывали трудные моменты, но этот уверенно стремился к тому, чтобы стать самым трудным. Единственной надеждой Пейлу виделся Руслан, но тот только хлопал глазами. Когда Пейл умоляюще посмотрел на него, городской поспешил отвести взгляд. Неужели этот тюфяк не собирается ничего предпринять? Пейл заерзал на стуле и напрягся, снова попробовав веревки на прочность. Он уперся в пол ногами и подумал, не повалиться ли ему на спину, но сразу прогнал эту мысль – так он рискует предоставить собственную

промежность в полное распоряжение старосты. Кусачки в его руках совсем не располагали к такому доверительному жесту.

Пока Пейл отчаивался и ерзал на стуле, Григорий неумолимо приближался к нему. Пейл знал, что однажды он попадет в такую ситуацию, но все равно не был готов к этому. Он пытался сохранить лицо, но близость боли, пыток – или что еще там придумал этот урод – пустила сердце галопом.

Григорий неуклюже приставил лезвия к руке Пейла. Пейл сжал руку в кулак. Он чувствовал холод железа на третьей фаланге указательного пальца – Григорий взял его палец в тиски. Пейл покрутил кистью, отодвигая инструмент, но староста вдруг ударил его кусачками по лицу. Староста неплохо управлялся с ними одной рукой, хотя это должно было быть неудобно. Острые лезвия пропороли Пейлу щеку и едва не выкололи глаз. Он вскрикнул от боли и неожиданности.

– Не рыпайся, тварь! – рявкнул староста. – Сейчас мы с тобой проведем интервью. И в этом интервью будет всего один вопрос. Попробуй только дернуться, твою мать, и я откушу твой чертов белый нос и засуну его тебе в задницу.

– Руслан, ты так и будешь стоять там и смотреть, как осел?! – Пейл потерял самообладание и почти кричал. – Он же сейчас меня прикончит! Я ни в чем не виноват! И ты это прекрасно знаешь!

Руслан вздрогнул и как будто проснулся. Лицо обрело осмысленность.

– Гриша, Григорий, – начал он примирительно, – успокойся. Ты ведешь себя неразумно. Это вообще незаконно. Нельзя вершить самосуд...

– Я здесь закон! – проревел Григорий. – А вот ты здесь никто! Закрой свой поганный рот и выметайся отсюда. Сходи в сортир и вытри свой засранный зад. Не мешай взрослым разговаривать.

Грубая отповедь сокрушила Руслана. Он в одно мгновение сник, постарел и превратился в столетнюю развалину. Вжав голову в плечи, городской послушно зашаркал к выходу, не оборачиваясь.

– Руслан, стой! Не позволяй ему так с собой разговаривать! Ты же городской! У тебя есть власть!

Но в ответ только хлопнула дверь. Этот глухой звук представился Пейлу безрадостным итогом всей его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.